

Е. А. Шершнёва

Позиция государственной власти в отношении мусульманского духовенства Западной Сибири во второй половине XIX в.*

E. A. Shershneva

The Position of the State in the Case of Muslim Clergy in the Western Siberia at the Second Half of the XIX Century

С момента вхождения в состав Российской империи народов исповедующих ислам, очень остро встает вопрос о положении мусульманского населения в структуре православного государства. По мнению правительства, именно мусульманское духовенство, имеющее влияние на инородческое население, могло помочь в создании национального государства с дальнейшим слиянием инородческого компонента с русским населением. С этой целью вводится ряд мер по контролю за мусульманскими священнослужителями.

Ключевые слова: мусульмане, ислам, духовенство, губернские власти, мечеть, Западная Сибирь.

С того момента, как российское правительство начало активное присоединение земель, где проживало население традиционно исповедующее ислам, встал вопрос о положении этой конфессии в структуре православного государства. Политика государства в отношении инородческого населения периодически изменялась, переходя от стадии религиозного преследования и насильственного крещения к политике веротерпимости, основанной на идее единого и неделимого государства. Однако на всех этапах основной государственной политики оставалась идея создания национального государства, что ставило перед собой задачу приобщения, а затем и полного слияния инородцев с русским населением. Единственное, что, по мнению правительства, могло помочь в осуществлении таких планов, это активное взаимодействие с духовными лицами. Важнейшую роль на духовенство правительство накладывало в силу того, что оно руководило образовательной сферой мусульман, а также всей жизнью прихода. Таким образом, мусульманские священнослужители стали не только объектом наблюдения властей, но и орудием в руках царской администрации в борьбе за привлечение на свою сторону мусульманского населения [1].

Первым действием, которое на долгие годы обозначило точки соприкосновения правительства и мусульманского духовенства, поставив последнее

From the moment when people who professed Islam formed a part of the Russian Empire, the question of position of Mohammedan population as a part of the orthodox state has arisen sharply. In the government's view it was Muslim clergy who had influence on the foreign population and could help to build national state with further merge of a foreign component to Russian population. A number of measures to control Muslim priests are imposed for this purpose.

Key words: Muslims, Islam, clergy, provincial authorities, mosque, Western Siberia.

в подчиненное положение, стало создание в 1788 г. указом Екатерины II Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. Целью данного органа было вытеснение из религиозной практики духовенства, не имеющего официальной санкции, т. е. проповедников, прибывающих из мусульманских стран на территорию Российской империи [2, с. 146]. Предполагалось, что Духовное управление мусульман, которому отводилась роль союза духовенства и власти за воздействие на массовое сознание, будет контролировать духовенство в интересах правительства [3, с. 26]. Деятельность собрания целиком была подчинена государственным интересам. Духовное управление было ограничено в судопроизводстве и имело право только представлять свое мнение о свойстве и степени вины судимых, опираясь на магометанский закон. В то же время определять наказание или приговаривать к нему могли лишь гражданские суды [4, с. 94]. Основной задачей Управления был контроль за приходским духовенством и проведение в жизнь различных постановлений правительственных структур. По утверждению сената от 21 мая 1849 г. «Оренбургское Магометанское Собрание есть непосредственное начальственное место над Муллами; ему принадлежит право следить за действиями их, до духовными обязанностями относящимися... но приводить решения сии в испол-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-Алтай (проект № 12-11-22000 «Формирование и развитие религиозного ландшафта на Алтае: исторический опыт и современная ситуация»)

нение не иначе, как через посредство Губернских Правлений, от коих зависит утверждение Мулл и приходских должностей» [5, с. 284].

Магометанское духовное собрание само четко осознавало свои полномочия и не стремилось к расширению своих должностных обязанностей, о чем можно судить из документа, направленного в Томское губернское правление: «Духовное Собрание над магометанским духовенством начальствует только в духовно-религиозном отношении; определение духовных лиц и увольнение от должностей, равно как и выдача соответствующих документов определяемых на службу и увольнение от нее духовных лиц — от Духовного Собрания не зависит» [6, л. 43]. Правительство не скупилось на личные награды и льготы членам семей мусульманского духовенства. В результате такой политики государства население видело в высшем мусульманском духовенстве прежде всего царских чиновников [7, с. 288]. Такое отношение к ним было не случайно, так как многие указные муллы были штатными чиновниками МВД, а муфтий назначался высочайшим указанием по представлению министра [8, с. 37].

В 1810 г. наряду со Святейшем Синодом было учреждено Управление делами инородцев. Впоследствии оно было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, вошедший в состав Министерства внутренних дел. В ведение данного органа входила функция надзора за мусульманами Российской империи. С момента окончательного оформления органов духовного управления мусульман порядок назначения мусульманского духовенства на большей части Российской империи был в определенной мере регламентирован уже на основе светского законодательства [8, с. 35].

Со второй половины XIX в. вопрос о мусульманском духовенстве находился под особым вниманием правительства. Опять же, исходя из того, что духовные лица оказывали влияние на население, власть пыталась регламентировать положение данного сословия, тем самым еще больше подчинить его своему влиянию. Правительство стремилось сформировать совершенно новую религиозную структуру, которая бы верно служила государству. С этой целью вводилась необходимость прохождения испытаний духовными лицами при их назначении в Оренбургском магометанском духовном собрании, а уже затем утверждение губернскими властями. Данная система настолько затрудняла и затягивала процесс назначения духовного лица, что на получение должности священнослужителя уходили месяцы, а иногда и годы. Примером здесь может послужить избрание муллой Мухамед-Маруфа Шамситдинова, инородца Томской губернии, Каинского уезда, Туражской инородной управы, юрт Тармакульской. Вся процедура избрания его на должность мусульман-

ского священнослужителя заняла около 4 лет [9]. Такая сложность в утверждении на должность духовного лица зачастую вынуждала самовольно назначать священнослужителей, которых по государственному закону утверждали уже гораздо позже. Так, например, прихожане Нижегородской соборной мечети Кольванской волости, подавая прошение об утверждении, оговаривают, что данный кандидат уже на протяжении четырех лет исполняет и продолжает исполнять обязанности данного духовного лица по их желанию [6, л. 3]. Аналогичная ситуация с муллой наблюдалась в первой Теплореченской соборной мечети Мариинского уезда Томской губернии. Только спустя полгода после смерти муллы сельская община подает прошение об утверждении нового священнослужителя, несмотря на то, что данный кандидат уже достаточно давно исполняет функции муллы и занимается обучением детей [6, л. 21–21об.].

По утверждению Государственного Совета от 21 октября 1837 г., изначально любое духовное лицо должно быть избрано, при этом за него должны проголосовать как минимум 2/3 членов прихода. Более того, такую процедуру необходимо совершить в присутствии сельских начальников, составить прошение, которое должно быть подписано и передано в Губернское управление [4, с. 123]. Магометанским собранием выдавалось свидетельство с указанием духовного звания кандидата, передаваемое в правление. Губернские власти, в том числе и в Западной Сибири, интересовала политическая благонадежность избираемого кандидата, именно с этой целью делался запрос в жандармское управление [6, л. 87]. Контроль за духовными лицами был достаточно строг и осуществлялся со стороны как Губернского управления, так и полицейского управления. Об этом можно судить из документов по Управлению Томской губернией, хранящихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО) [6]. С целью контроля за мусульманами с 1867 г. от духовных лиц мусульманского исповедания требовалось обязательное знание русского языка [1]. По мнению правительства, это дает возможность сблизить инородческое и русское население, поглотив впоследствии мусульманские этносы. Подтверждение этому имперская власть находила в управлении степными областями, где указывалось о постепенном сближении киргизского населения с русским, распространением между ними русской грамотности [10, л. 4].

Следует, однако, отметить, что мусульманские приходы не всегда были покорны государственным законам, в первую очередь законам, касающимся духовенства. Утверждением Государственного Совета от 23 января 1836 г. было установлено, что при мечети следует иметь не более одного муллы, чтобы избежать излишних ссор и беспорядков [4, с. 115]. Несмотря на это, например, в д. Теплореченская Мариинского

уезда Томской губернии при мечети было два муллы [6, л. 107].

В Российской империи осуществлялся жесточайший контроль за перемещениями духовных лиц мусульманского вероисповедания. Чтобы уйти в отпуск или поехать по каким-либо делам в другой город, необходимо было известить об этом именно губернское начальство [11].

Несмотря на сложность всех указанных выше процедур, следует заметить, что мусульманское духовенство никогда не составляло отдельного сословия, которое могло бы бороться за свои права. Мусульманские священнослужители всегда оставались представителями того сословия, из которого их избирали. Возможно, это было связано с тем, что правительство боялось создания мощного генератора сепаратистских идей в лице слаженного духовного мусульманского сословия.

Мусульмане постоянно ощущали на себе давление со стороны царской власти, поэтому уже к началу XX в. татарское население, почувствовав определенную силу, пытается отстаивать свои права. Однако активная политическая и общественная деятельность мусульман России не представляла никакой угрозы для господствующей власти. Так, по мнению А. Е. Алекторов, «лишь верхние слои восприимчивы к конституционно-демократической идее для достижения вероисповедных и национальных целей. По всей вероятности, и члены Государственной Думы из магометан будут стремиться не столько к местным автономиям, сколько к независимости своих муфтиятов, духовных советов, конфессиональных школ» [12, с. 133].

Единственное, что на протяжении всего совместного проживания, а точнее, нахождения мусульман

под властью российского монарха пугало царское правительство, так это отсутствие у приверженцев ислама понимания таких слов, как национальность и Родина, а соответственно, и патриотизм. К такому утверждению российское правительство пришло, опираясь на Коран, в котором есть утверждение, что родина для мусульманина там, где исповедуется ислам [13, с. 41–64].

Несмотря на постоянный контроль со стороны государства за мусульманским духовенством, власть не получила желаемых результатов. Вместо ожидаемой культурно-идеологической интеграции мусульман страны в российское общество правительство способствовало лишь религиозной и этнической консолидации мусульманских народов. В XX в. мусульманский мир по-прежнему оставался обособленным от православно-славянского общества империи, включая в себя самобытные духовные традиции местных народов. Аналогичные процессы протекали и в Западной Сибири, где уже в начале XX в. мусульмане начали активно отстаивать свои права и своеобразное положение в государстве, которое провозглашало государственной религией православие. Мусульмане пытаются обратить внимание на тяжелое положение своего духовенства. Оно приняло активное участие в мусульманском съезде, проходившем в Санкт-Петербурге. Кроме того, на территории Западной Сибири активную деятельность ведет реформаторское движение джадизм. К 1911 г. постепенно возросла численность мусульманского духовенства [7, с. 292], но это не изменило их положение в Российской империи. Муллы по-прежнему находились под пристальным контролем со стороны государства, которое регламентировало их назначение на должности, а также передвижение по стране.

Библиографический список

1. Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. — 1917 г.) // Исторический ежегодник. — 1997 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles>
2. Шаблей П. С. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в Казахстане (1788–1868 гг.) // Вопросы истории. — 2008. — № 5.
3. Мухаметшин Р. М. Ислам в татарской общественной мысли начала XX века. — Казань, 2000.
4. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. — М., 2001.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. — СПб., 1850. — Т. 24. — Ч. 1.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 12. — Д. 521.
7. Фархштанов М. Н. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь. — М., 2006.
8. Алексеев И. Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX — начале XX вв. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории) // Религиоведение. — 2002. — № 2.
9. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 12. — Д. 480
10. ГАТО. — Ф. 125. — Оп. 1. — Д. 507.
11. ГАТО. — Ф. 3. — Оп. 12. — Д. 716.
12. Алекторов А. Е. Инородцы в России. — СПб., 1906.
13. Коран/пер. И. Ю. Крпачковского. — Ростов н/Д., 2008.